

Дарья Полтавская

Первое чувство

Влюблённость

Дарья Полтавская

Первое чувство. Влюбленность

«Автор»

2026

Полтавская Д.

Первое чувство. Влюбленность / Д. Полтавская — «Автор», 2026

В провинциальном Ярославске XIX века судьбы молодых дворян редко принадлежат им самим. Балы, визиты и светские разговоры лишь кажутся красивой игрой — на самом деле за каждым поклоном и каждой улыбкой скрываются расчет, долг и семейные ожидания. Анна Львова впервые выходит в свет и сразу оказывается в центре внимания. Ее возможный союз с маркизом Василием Вороновым может спасти положение семьи, но сама Анна все острее чувствует: за безупречной учтивостью будущего жениха скрывается нечто большее, чем простое расположение. Когда рядом появляется Владимир Воронов, младший брат маркиза, привычный порядок начинает давать трещину. Его слова тревожат, взгляды заставляют сомневаться, а молчание порой говорит больше, чем любые слова. В мире, где браки заключаются ради выгоды, а истинные желания принято скрывать, Анне предстоит понять, кому можно доверять, где заканчивается долг и начинается собственный выбор.

© Полтавская Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Львовы	6
Глава 2. Вальс чужих ожиданий	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дарья Полтавская

Первое чувство. Влюбленность

Пролог

В тихом, уютном Ярославске, затерянном среди бескрайних русских равнин и густых лесов центральной России XIX века, жизнь текла размеренно и степенно, хотя и не была лишена своих скрытых драм. Город раскинулся на высоком живописном берегу широкой реки. Над его улицами возвышались храмы с золотыми куполами и особняки, украшенные тонкой, замысловатой резьбой.

По вечерам мощеные улицы озарялись мягким светом газовых фонарей, и в этом золотистом полумраке неспешно стучали колеса экипажей. Воздух был наполнен тонким ароматом лип, смешанным с дымом печей, и этот знакомый запах, казалось, был неотделим от самого города — как его тишина и его неторопливый уклад.

Ярославск славился своими ежегодными ярмарками, куда съезжались купцы из самых разных уголков страны, а также знаменитыми на всю округу балами. Здесь, среди ухоженных садов, широких аллей и просторных площадей, будто сама история бережно сохраняла следы прошлого. Каждый дом, каждая мостовая, каждый поворот улицы словно напоминали о былых приемах, о великосветских визитах, о разговорах, в которых решались не только судьбы, но и будущие союзы.

Для дворянских семей жизнь здесь вращалась вокруг балов, званых вечеров и светских визитов. Эти события были не просто развлечением, но и частью установленного порядка: на них демонстрировали положение, искали выгодные знакомства и, нередко, будущих супругов. Подготовка к подобным вечерам занимала немало времени — шились платья, разучивались танцы, повторялись правила хорошего тона, каждая деталь обдумывалась с особой тщательностью.

Для многих молодых людей такие вечера становились шансом найти достойную партию — союз, который мог обеспечить их будущее и укрепить положение семьи. Однако за блеском свечей, за улыбками и учтивыми поклонами скрывалась суровая реальность: зачастую браки заключались не по любви, а по расчету. Дети становились лишь разменной монетой в деловых соглашениях между семьями, а их желания были чем-то второстепенным, почти не имеющим значения.

Именно в таком мире начинается эта история — в мире, где любовь нередко кажется иллюзией, а брак — результат договоренности ради выгоды. Но смогут ли герои, живущие по законам этого общества, преодолеть обстоятельства и найти истинное счастье? Или же их судьбы окажутся навсегда связаны решениями, принятыми за них? А может быть, именно через испытания и страдания они научатся ценить настоящие чувства и построят свою жизнь по собственным правилам?

Это история о балах и тайных взглядах, о дамах и кавалерах, о любви, дружбе, боли и надежде. О людях, которые надевают маски, чтобы быть принятыми, и о тех, кто однажды решается снять их. О том, как легко потерять себя под давлением обстоятельств — и как трудно, вопреки всему, обрести себя вновь.

Это история о том, что настоящее счастье приходит не всегда тогда, когда его ждут, а порой — лишь в тот миг, когда человек осмеливается сделать шаг навстречу своей мечте. И о том, что даже в самый темный час остается надежда на светлое будущее, если не переставать верить и бороться за него.

Глава 1. Львовы

Весна 1851 года выдалась на редкость холодной. Ветер еще долго не отпускал Ярославск и окрестные усадьбы: шумел в садах, стучал в ставни, пробирался под двери, и в такие вечера особенно остро хотелось тепла — домашнего, тихого, надежного, того самого, что собирает семью у камина и на время отгораживает ее от мира.

Именно таким был и этот вечер.

В гостиной дома Львовых царили свет, уют и спокойствие. У камина, где ровно потрескивали поленья, собралась вся семья. Теплое мерцание огня мягко ложилось на лица присутствующих, и в этом дрожащем сиянии все вокруг казалось особенно близким, почти сокровенным.

Анна сидела за фортепиано.

Ее пальцы легко и уверенно скользили по клавишам, и в комнате звучала первая соната Шопена — произведение, которое особенно любили в этом доме. Музыка наполняла гостиную не громкостью, а глубиной. В ней слышались тревога, надежда и та печаль, которую невозможно объяснить словами, но можно узнать с первых нот. Каждый аккорд будто отзывался в душе, пробуждая скрытые чувства, тревожил что-то очень личное, но вместе с тем убаюкивал и успокаивал.

Анна играла сдержанно, почти строго, но в этой сдержанности было больше чувства, чем в иной пылкой откровенности. Казалось, она не исполняла музыку, а говорила ею — осторожно, честно, не решаясь сказать вслух то, что жило в сердце.

В какой-то миг ей показалось, что музыка понимает ее лучше, чем кто-либо другой. Если бы музыка могла выбирать за нее... она давно бы сказала, куда ей идти.

Такие минуты были особенно дороги Львовым. Они любили эти тихие семейные вечера, когда не требовалось ни светских разговоров, ни показной любезности, ни улыбок для чужих глаз. Здесь, у камина, все чувствовали себя по-настоящему вместе. И именно это простое чувство — быть рядом, слышать друг друга без слов — сближало их сильнее любых долгих бесед.

Первой, кто особенно внимательно слушал игру Анны, была ее мать, графиня Екатерина Львова.

Ее лицо, обычно спокойное и собранное, в свете огня казалось мягче. В строгих карих глазах, привыкших скрывать усталость и тревогу, проступила нежность. Она смотрела на Анну и видела не только старшую дочь, но и ребенка, который слишком рано научился быть взрослым.

Екатерина принадлежала к старинному роду и с юности умела держаться так, как требовало ее положение. В ней было достоинство, которое не нуждалось в словах: прямая осанка, сдержанные движения, внимательный взгляд. Но дети знали другую Екатерину — ту, что могла поправить одеяло спящему Константину, почитать Елизавете перед сном, долго стоять у двери Анны, если та поздно читала при свече.

В ее взгляде всегда было что-то незыблемое — решимость, внутренняя стойкость, умение выдерживать удары судьбы. Но стоило ей взглянуть на детей, как в строгих чертах проступала нежность. Они были для нее главным смыслом жизни. Ради них она умела быть и сильной, и мягкой, и требовательной, и заботливой одновременно.

И все же сейчас, слушая игру дочери, графиня не могла остаться спокойной. Музыка трогала ее до глубины души. Глаза Екатерины увлажнились, но она, как всегда, не позволила слезам скатиться по щекам. Она только чуть опустила взгляд, чтобы скрыть волнение, и крепче сжала руки на коленях.

Только бы дети никогда не узнали, сколько стоит наше спокойствие, — подумала она.

Анна почувствовала этот взгляд, хотя не обернулась. И, может быть, именно поэтому заиграла еще проникновеннее.

В ней с детства чувствовались утонченность и стойкость. Названная в честь прабабушки, она словно несла в себе память рода — и вместе с ней тихое, еще не до конца осознанное обязательство перед будущим семьи. Анне недавно исполнилось восемнадцать. В этом возрасте будущее еще кажется туманным, но сердце уже начинает понимать, что некоторые дороги выбирают за нас задолго до того, как мы успеваем спросить себя, хотим ли идти по ним.

Анна была старшей дочерью, и это многое определяло. Ей пришлось рано научиться замечать усталость матери, сдерживать собственные тревоги, заботиться о младших. Она не считала это жертвой. Просто в ее характере было что-то тихое и прочное: желание беречь тех, кого любишь.

Внешность ее не поражала с первого взгляда: невысокая, стройная, с мягкими чертами лица, Анна редко привлекала к себе внимание. Ее карие глаза смотрели глубоко и внимательно, словно старались увидеть в людях не внешнее, а истинное. Но стоило приглядеться, и в ней открывалась особая красота — спокойная, глубокая, не требующая доказательств. Каштановые волосы средней длины мягко обрамляли лицо, придавая ей особую нежность. В ней не было яркой, ослепительной красоты, но было нечто куда более притягательное — искренность, доброта и удивительная душевная ясность.

Она любила книги, тишину и долгие вечера дома куда больше, чем шумные собрания и большие скопления людей. Возможно, это было связано с тем, что ее судьба казалась уже предначертанной, или с тем, что мечты молодой девушки были о другом — о свободе и спокойствии. Светские визиты, разговоры и балы всегда вызывали в ней легкое волнение, а порой и тревогу. Ей казалось, что в таком мире слишком многое зависит от взгляда, жеста, случайно сказанного слова.

И все же именно этот мир уже стоял у порога ее жизни.

Ее сестра Елизавета была полной противоположностью.

Если Анна была тиха и сдержанна, то Елизавета словно сама была создана для того, чтобы привлекать внимание. Ее красота не вызвала сомнений: светлая, почти фарфоровая кожа, пшеничные волосы, мягко струящиеся по плечам, и глаза — большие, выразительные, полные мечты, фантазии и живого интереса к миру. Она умела улыбнуться так, что собеседник невольно чувствовал себя избранным. И, возможно, именно эта способность так легко завоевывать расположение делала ее заметной и в семье, и в обществе.

Елизавете было шестнадцать, но она уже держалась с той естественной уверенностью, которой не учат гувернантки. В ней было столько живости и обаяния, что она умела сиять даже в самой обычной комнате.

Анна же, напротив, избегала слишком пристального внимания. Она редко смотрела людям прямо в глаза, словно оберегала свой внутренний мир от чужого взгляда. И потому рядом с Елизаветой, открытой и сияющей, Анна часто казалась загадочной — тихой, погруженной в собственные мысли. В этом и заключалось их главное различие: Елизавета сияла, словно звезда светского общества, легко и смело идя навстречу миру, тогда как Анна казалась таинственной незнакомкой — той, кого невозможно понять с первого взгляда и в чьих глазах будто скрывалась целая вселенная безмолвной печали и заветных желаний.

Константин, младший из Львовых, появился в гостиной последним и почти сразу устроился ближе к фортепиано.

Ему было пятнадцать. Мир балов, визитов и светских правил пока оставался для него чем-то далеким и не вполне серьезным. Зато игра Анны на фортепиано интересовала его искренне. Он с восторгом слушал музыку и задавал сестре бесконечные вопросы: почему здесь именно такой аккорд, почему мелодия идет именно в этом направлении, отчего одна нота так трогает сердце, а другая звучит тревожно.

Константин был высоким юношей с темными волосами и карими глазами, такими живыми и ясными, что в них легко читались любопытство и доброта. У него была обаятельная

улыбка, а смех — звонкий, открытый, настоящий — нередко наполнял весь дом светом. Он был еще совсем юн, но уже умел приносить в дом ту легкость, которая особенно ценится в семье.

Глядя на него, Екатерина невольно вспоминала прошлое — время, когда их дом был полон иного, более прочного счастья.

Когда-то рядом с ней был муж, граф Николай Львов. Тогда жизнь казалась устойчивой, спокойной, почти незыблемой. Но все изменилось, когда Анне было всего семь лет.

Николая не стало.

Эта утрата стала для семьи тяжелым ударом. Дом, лишившийся своей опоры, словно изменился навсегда. Екатерина взяла на себя все: счета, письма, заботу об имении, будущее детей. Она научилась говорить спокойно, когда хотелось плакать, и улыбаться, когда страх сжимал горло. При детях она оставалась сильной. Слабость позволяла себе только в одиночестве.

Но, несмотря на боль, она не сломалась. Ради детей Екатерина сумела сохранить достоинство, порядок и то редкое внутреннее тепло, которое не зависит от обстоятельств. Она понимала цену счастью и потому особенно берегла редкие минуты, когда вся семья была вместе.

Анна это видела. Может быть, не все понимала в детстве, но чувствовала достаточно, чтобы рано стать серьезнее сверстниц. Она старалась учиться прилежно, помогать по дому, быть внимательной к младшим и не добавлять матери новых тревог.

Потому такие вечера у камина были для нее бесценны. В них было все, что она боялась потерять.

Позже, когда дом затих, Анна ушла в библиотеку.

Она сидела у окна с раскрытой книгой в руках, но не читала. За стеклом темнел холодный сад. На столе рядом лежали ноты, письмо и приглашение на бал. Анна долго смотрела в окно, будто пыталась разглядеть в темноте ответ на вопрос, который не решалась задать вслух.

Наконец она закрыла книгу, провела пальцами по потертой обложке и взяла приглашение.

— Первый бал... Или первый шаг к жизни, которую выбрали за меня?

Следующие дни прошли в хлопотах.

Дом Львовых ожил. Портнихи приходили с утра, горничные приносили коробки с лентами и перчатками, Екатерина проверяла украшения, а сестры снова и снова примеряли платья. Предстоял первый в этом году бал — Бал Самоцветов, и каждая деталь должна была быть безупречной.

Вечером в будуаре стало особенно шумно. Портниха закрепляла булавки на синем платье Анны, Елизавета кружилась перед зеркалом, любясь тем, как ткань ловит свет, а на столе лежали веер, жемчужное ожерелье, перчатки и то самое приглашение.

— Анна, ты должна улыбаться чаще, — сказала Елизавета, лукаво взглянув на сестру. — Иначе все решат, что ты мечтаешь сбежать.

Анна опустила глаза на свои перчатки.

— А если я действительно об этом мечтаю?

Екатерина, стоявшая у туалетного столика, обернулась.

— Не говори так. Это твой первый бал.

— И он будет незабываемым, — уверенно добавила Елизавета.

Анна попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой.

Она всегда с учтивостью и ответственностью относилась к своим обязанностям. В течение этого года Анна усердно помогала Елизавете готовиться к первому выходу в свет: повторяла с ней правила поведения, манеры и танцы. Сама Анна танцевать любила. С семи лет вальс, мазурка, полонез и кадрили были для нее не только обязательными уроками, но и приятным занятием, почти таким же дорогим, как чтение. В движении ей порой было легче выразить

себя, чем в разговоре. Но одно дело — танцевать дома или на уроках, и совсем другое — впервые выйти в свет, где каждый взгляд может стать оценкой.

Анна еще никогда не была среди гостей такого торжества. Ее дебют должен был состояться еще в прошлом году, но тяжелое материальное положение семьи заставило Екатерину отложить этот шаг. Теперь же обе дочери должны были появиться в свете одновременно.

Это решение не было простым. Для Екатерины оно означало не только заботу о репутации семьи, но и надежду на будущее дочерей. Бал мог стать для них шансом — возможностью укрепить положение рода, завести полезные знакомства и, возможно, решить судьбу Анны.

В глубине сердца Анна тосковала по отцу: именно в такие важные минуты его отсутствие ощущалось особенно остро. Ей хотелось верить, что, будь он рядом, страх перед будущим стал бы меньше. Но именно Николай Львов еще при жизни позаботился о ее замужестве и договорился о союзе с сыном герцога Воронова — маркизом Василием. Однако этот союз должен был состояться только после личной встречи и при согласии самого молодого человека. Судьба Анны будто уже была намечена заранее: род Вороновых мог дать ее семье не только благополучие, но и ту материальную устойчивость, которой им так не доставало.

О самом Василии Анна знала немного. Ему было двадцать пять лет, он считался достойным наследником своего рода и уже успел приобрести в обществе репутацию человека учтивого, образованного и безупречно воспитанного. У него были младший брат Владимир, которому недавно исполнилось двадцать, и сестра Елена, семнадцатилетняя девушка, о которой в свете отзывались с неизменной теплотой. Их имена Анна слышала не раз, но до сих пор они оставались для нее частью далекого, почти недостижимого мира, в который ей предстояло вскоре войти.

Графиня Екатерина прекрасно понимала, что многое зависит от предстоящего вечера. Она никому не говорила всей правды, но хранила обещание мужа и верила, что сможет исполнить его волю. Положение семьи было непрочным: карточный проигрыш Николая сильно подорвал их достаток, и теперь только удачный союз мог исправить положение.

Анна знала меньше, но чувствовала достаточно. Она, впрочем, ощущала не только давление обстоятельств, но и все нарастающее волнение. Ее первый бал был не просто праздником. От этого вечера зависело слишком многое — спокойствие матери, положение семьи, исполнение последней воли отца, ее собственная жизнь.

Каждая деталь имела значение — манеры, осанка, внешний вид, взгляд, умение держаться. Все это должно было произвести впечатление на маркиза Воронова. Анна знала: от ее поведения будет зависеть, сможет ли она убедить Василия, что именно она — та, с кем он должен связать свою судьбу.

Она старалась не думать об этом постоянно, но мысли возвращались сами. Как держаться? Что сказать? Как смотреть? Можно ли понравиться человеку за один вечер? И что будет, если не получится?

Для Елизаветы этот год тоже был важным. Ей предстояло впервые появиться в свете, познакомиться с молодыми людьми из знатных семей, сделать первые шаги в том мире, который прежде существовал для нее лишь как красивая мечта. Сестры понимали: впереди их ждет время испытаний, а от предстоящего бала зависит очень многое.

И все же, несмотря на тревогу, в этих днях было и ожидание чего-то нового — большого и важного.

Перед самым Балом Самоцветов подготовка достигла своего апогея.

Графиня Екатерина выбрала для этого события наряд, достойный своей репутации. Ее платье было выдержано в оттенках сапфира — цвета, символизирующего мудрость, достоинство и внутреннюю силу. Тончайший бирюзовый шелк мягко переливался при свете свечей, подчеркивая стройность ее фигуры и благородство манер. Серебряная вышивка на лифе напоминала мерцание драгоценных камней, а кружевные вставки на воротнике и рукавах прида-

вали образу легкость и изящество. Тонкая тесьма на поясе, украшенная маленькими бриллиантами и бирюзовыми камнями, завершала этот утонченный, торжественный образ. В этом наряде графиня казалась такой, какой ее привыкли видеть в обществе: сдержанной, благородной, непоколебимой.

Для дочерей графини были подобраны наряды, вдохновленные великолепием этого драгоценного камня.

Анне досталось синее платье, мягко облегающее фигуру и словно повторяющее плавность морской волны. Черный пояс с кружевной отделкой изящно подчеркивал талию, а ожерелье и серьги добавляли образу тонкую, почти хрустальную сияющую нотку. На ее ногах были туфли насыщенного синего цвета, а руки скрывали перчатки, легкие и элегантные, словно облака, касающиеся кожи. Волосы были собраны в низкий узел из кос, с прямым пробором и гладкими прядями у лица.

Весь ее образ казался воплощением благородства и сдержанной красоты — не яркой, не броской, но запоминающейся именно своей глубиной.

Она смотрела на себя в зеркало и не сразу узнавала. Все в ней оставалось прежним, но платье будто требовало другой Анны — увереннее, смелее, взрослее.

Елизавета же была одета в платье нежного голубого оттенка — светлого, прохладного, словно утреннее небо перед рассветом. Тонкое кружево мягко обрамляло ее плечи и рукава, серебристая вышивка мерцала на корсете, а длинные перчатки добавляли ее облику особой изящности. Вся ее фигура, легкая и хрупкая, казалась почти созданной для восхищенных взглядов. В ней было то редкое очарование, которое невозможно было не заметить.

Сестры стояли перед высоким зеркалом. Елизавета повернулась, любуясь тем, как юбка переливается в свете, потом заметила выражение лица Анны и подошла ближе.

— Сегодня все будут смотреть только на нас.

— Вот этого я и боюсь, — призналась Анна.

Елизавета улыбнулась и чуть наклонила голову.

— Тогда смотри первой.

Но к вечеру ее собственная уверенность неожиданно исчезла: Елизавета почувствовала себя дурно. К моменту отъезда ее слабость усилилась, и все в доме были вынуждены признать, что она не сможет ехать на бал. Это решение стало неожиданностью: Елизавета всегда любила внимание и общество, всегда легко и уверенно держалась среди людей. И все же в этот раз что-то сломалось — сомнения или усталость взяли верх над привычной живостью.

Елизавета сидела на краю кровати в полном бальном наряде. Лицо ее побледнело, глаза стали тревожными. На туалетном столике лежали перчатки и украшения, которые она еще недавно перебирала с восторгом. Екатерина коснулась ее лба и нахмурилась.

Анна стояла у двери, не зная, приблизиться или оставить сестру в покое.

— Ты уверена, что не хочешь ехать? — тихо спросила графиня.

Елизавета попыталась улыбнуться, но улыбка дрогнула.

— Сегодня... я не могу.

— Лиза, что случилось? — растерянно спросила Анна.

— Ничего. Я просто чувствую слабость. Придется тебе сегодня сиять без меня.

В ее голосе прозвучала прежняя легкость, но взгляд выдавал страх. Екатерина поняла, что настаивать нельзя. Иногда человек отказывается не потому, что слаб, а потому, что больше не в силах притворяться.

Через несколько минут Анна и мать уже спускались к карете. Елизавета и Константин остались в доме, который вдруг показался Анне слишком тихим.

Экипаж мягко скользил по улицам Ярославска. За окнами темнел вечер, колеса негромко стучали по мостовой, и в этой размеренной дороге Анна чувствовала, как внутри нее все силь-

нее растет волнение. В отражении стекла она видела свое лицо — бледное, задумчивое, почти чужое.

Екатерина держала ее за руку.

— Ты не обязана понравиться всем, — сказала она.

Анна не сразу ответила.

— Мне достаточно понравиться одному человеку.

Графиня помолчала. В этом молчании было больше тревоги, чем в словах.

— Иногда этого бывает более чем достаточно.

Вскоре впереди показался дворец, где должен был состояться Бал Самоцветов.

Он сиял в ночи, словно огромный драгоценный камень.

Высокие башни, светящиеся окна, балконы, мраморные колонны — все в этом здании казалось торжественным, величественным и немного сказочным. Дворец будто был соткан из света, золота и ожидания. У входа останавливались экипажи, по ступеням поднимались дамы в светлых платьях и кавалеры в парадных мундирах. Музыка доносилась даже наружу — приглушенная, торжественная, словно обещавшая нечто прекрасное.

Когда карета остановилась у входа, Анна на мгновение замерла.

Она затаила дыхание.

Впереди ее ждало не просто светское торжество. Впереди был вечер, который мог изменить всю ее жизнь.

Екатерина вышла первой, затем обернулась и подала дочери руку. Холодный ветер коснулся лица Анны и подхватил край ее синего платья. Она посмотрела на сияющие окна, на раскрытые двери, на гостей у входа.

Сердце билось быстро, но страх уже не был прежним. В нем появилась собранность.

Если судьба ждет меня за этими дверями, я хотя бы встречу ее достойно.

Анна выпрямила спину и поднялась по ступеням.

Двери бального зала распахнулись перед ней. Свет люстр, музыка, голоса и шелест платьев хлынули ей навстречу — сразу, ослепительно и торжественно.

Это был ее первый настоящий вечер в свете.

И, возможно, именно здесь судьба готовилась открыть перед ней свою новую главу.

Глава 2. Вальс чужих ожиданий

Анна, в сопровождении матери, пересекла зал, окутанный мерцанием свечей и звонким гулом светских разговоров. Она не любила открыто высказывать свои мысли и держалась сдержанно, будто старалась не привлекать к себе лишнего внимания. В ее движениях чувствовались воспитание и самообладание, а во взгляде — внимательность человека, привыкшего сначала наблюдать и лишь потом говорить.

Внезапно из толпы вышла молодая девушка — заметно выше Анны, светловолосая, с выющимися локонами, аккуратно уложенными в высокую прическу. Черное, как полированный агат, платье играло на контрасте со светлой кожей и сияющими васильковыми глазами. Ее походка была уверенной, а улыбка — живой, с той легкой примесью иронии, что говорит о человеке, обожающем как свет, так и сплетни.

Незнакомка остановилась рядом и с легкой, почти небрежной грацией склонила голову набок:

— Добрый вечер. Вы — Анна Николаевна Львова, если не ошибаюсь? Ваш дебют сегодня стал главной темой. Уверяю, никто не ожидал видеть здесь такую скромность.

Голос ее был звонким и чуть насмешливым, но не грубым, а на лице играла мягкая улыбка.

Незнакомка представилась:

— Я Елена Воронова. Прошу не удивляться моей осведомленности — с детства собираю по крупицам все светские сплетни.

Анна слегка смутилась, однако заставила себя кивнуть:

— Все так, я впервые на балу. Если честно, это больше пугает, чем радует.

Елена уважительно кивнула, склонилась чуть ближе и понизила голос — так, чтобы их разговор остался только между ними:

— Ничего страшного. Я к подобным событиям привыкла, хоть и хотела бы их иногда избегать.

— Я... мало кого здесь знаю, — Анна почувствовала себя маленькой на фоне этой яркой, легко говорящей собеседницы. — Благодарю за поддержку.

— Зато теперь вы знаете меня, а это уже половина успеха, — радостно заключила Елена, чуть тронув ее за предплечье. — Вы очень быстро всех запомните. Я, конечно же, помогу вам в этом. Все просто: мои братья — Василий и Владимир — всегда создают мне проблемы, постоянно исчезают из моего поля зрения. Моя миссия — следить за братьями, потому что родители уехали в столицу и не смогли присутствовать. Но сегодня мой старший брат ваш кавалер — надеюсь, вы его увлечете настолько, что я наконец займусь танцами, а не их спасением! Это редкая возможность немного расслабиться.

Она рассмеялась негромко, и этим смехом будто сняла часть напряжения с Анны.

— Надеюсь, я оправдаю ваши ожидания, мисс Воронова.

— Не сомневаюсь. Уже в следующем году моим братьям придется нелегко: настанет моя очередь искать достойного жениха. Я уже обошла все залы и могу с уверенностью сказать: хорошо, что в этом году не моя очередь искать себе мужа. Может быть, на балах в столице выбор будет куда интереснее? Ведь именно туда мы отправимся в следующем году.

— Возможно, — тихо ответила Анна.

Она считала, что краткость и умение слушать делают ее более приятной собеседницей. Встреча с сестрой Василия оказалась ей кстати, поскольку Елена Федоровна очень любила говорить и могла поделиться чем-то интересным касательно Василия.

Вскоре Елена, взяв руку своей новой знакомой, повела Анну через зал, объясняя, кто есть кто.

— Так, на чем я остановилась? Ах да. В правом углу зала, вон там, у колонны, стоят Григорий с сестрой Анастасией и их отец, лорд Георгий Разумовский.

Григорий был одет в строгий костюм темно-синего цвета и белоснежную рубашку. Его уверенный взгляд словно отражал внутренний стержень. Анастасия, в воздушном бирюзовом платье, что-то негромко говорила отцу; тот слушал ее с величественным спокойствием.

— Чуть дальше от них Борис и Станислав Зотовы, — продолжала Елена с милой улыбкой.

Братья выделялись среди окружения своей статностью. Борис был одет в костюм шоколадного оттенка, бежевую жилетку и белую рубашку. В его облике сочетались деловитость и безупречное воспитание. Станислав был в темно-коричневом костюме, его лицо выражало хладнокровие и рассудительность, будто он всегда взвешенно подходил к каждому делу.

— А рядом с ними стоит их отец — барон Петр Зотов, — продолжила мисс Воронова, — а также сестра Ольга.

Ольга была одета в платье насыщенного янтарного цвета — теплого, богатого оттенка. Она казалась мягкой и спокойной, словно солнечный свет, пробивающийся сквозь листву.

— Пойдемте же, — произнесла Елена, — я желаю познакомить вас с ними. Анастасия Георгиевна и Ольга Петровна — мои хорошие подруги, и я твердо уверена, что вам они придутся по душе.

В ее взгляде таилась доброта и неподдельная искренность.

— Их присутствие обещает сделать наш вечер еще более приятным и запоминающимся. Как только начнутся танцы, я провожу вас обратно к графине, а сама отправлюсь к Владимиру, — сказала Елена с убежденностью.

Анна чуть оживилась:

— Замечательная идея!

Елена повела Анну к своим подругам. В этот момент сквозь общий шум пробился новый голос — сухой, с легкими нотками сарказма:

— А вот и наше пополнение, — вмешалась Анастасия Разумовская.

В ее голосе звучала сдержанная учтивость, а во взгляде — живая, почти озорная внимательность.

Ольга Зотова стояла чуть в стороне; на ее губах мелькнула почти незаметная улыбка, в которой было больше сдержанности, чем расположения.

Елена, не теряя темпа, тут же представила подруг:

— Анна, позвольте представить: Анастасия Георгиевна, моя подруга, и мисс Зотова, чей строгий взгляд заставляет моего брата Василия держать себя в руках.

— Могу лишь пожелать удачи на этом поприще, — сухо заметила Ольга, почти не изменяя выражения лица.

— Ольга... — начала было Анастасия, но перехватила взгляд Елены и решила не продолжать.

Несколько минут разговора прошли легче, чем Анна ожидала: девушки обменялись улыбками, и напряжение постепенно отступило.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, — сказала Анна с искренней теплотой. — Благодаря вам я почувствовала себя здесь чуть увереннее.

— Мы всегда рады новым знакомым и будем счастливы продолжать наше общение, не так ли, Ольга? — с ласковой улыбкой произнесла мисс Разумовская.

— Полагаю, нам пора искать наших партнеров и отправляться на танец, — холодно и сдержанно заметила Ольга, взглянув на окружающих.

— Ах, мисс Зотова, — усмехнулась Анастасия, — вы все равно танцуете со своим братом, так что потеря одного танца не так уж велика.

Ольга ничего не ответила. Лишь взгляд ее стал холоднее — настолько, что Анна невольно пожалела о своем присутствии рядом. Вскоре их пригласили на танец, и Ольга с Анастасией отправились в плавный вальс, наполняя зал светом и точностью своих движений.

— Стоит ли волноваться из-за Ольги? — спросила Анна с тревогой в голосе. — Неужели я сделала что-то неправильно или сказала что-то неуместное?

— Абсолютно нет, — отмахнулась мисс Воронова. — С ней так бывает. Обычно на балах она проводит время в компании моего брата, поэтому Анастасия не удержалась от того, чтобы задеть ее. Ольга очень ревностно относится к Василию, и тот факт, что вы связаны обещанием родителей, ранит ее и выводит из равновесия, хотя она прекрасно осознавала, что рано или поздно этот момент наступит. Но не переживайте, со временем она оттаит и станет более рассудительной. Вы еще убедитесь, что она способна быть куда приятнее.

— Вы меня успокоили, — с легким нервным смешком произнесла Анна, все еще испытывая смешанные чувства.

Елена бережно сопроводила мисс Львову обратно к ее матери, графине Екатерине. В это время она обратила внимание на молодого человека, который медленно пробирался сквозь толпу гостей к ним.

— О, похоже, Василий заметил ваше присутствие, — произнесла Елена. — Он идет к нам. Поверьте мне: это не из-за меня; он никогда так не спешил ко мне. Полагаю, мне пора отправиться к Владимиру и составить компанию ему, чтобы не мешать вашему знакомству. Бал вот-вот начнется, — добавила она с легкой улыбкой.

— Хорошего вечера, мисс Воронова, — сказала Анна.

— И вам тоже! Надеюсь, еще встретимся и обязательно посплетничаем в следующий раз, — с энтузиазмом добавила Елена и по пути одобрительно подмигнула Василию.

Наконец-то мисс Львова смогла спокойно рассмотреть зал. Главный зал казался бесконечным: зеркала, расположенные друг напротив друга, множили свет свечей и отражения танцующих пар. Ее взгляд привлекли многочисленные живые цветы, расставленные по всему пространству: их аромат наполнял воздух и создавал ауру сказочной красоты. Множество свечей, горевших в золотых подсвечниках, мягко освещали зал. В центре висела люстра поистине небывалых размеров, с множеством крошечных свечей, которые казались рассыпавшимися звездными искрами. Анна задавалась вопросом: как же удалось разместить столько свечей на этой величественной люстре?

Окна и стеклянные двери, ведущие прямо в сад, создавали ощущение единства с природой. Вид за ними был завораживающим: ухоженные аллеи, цветущие кустарники и мягкий свет вечерних фонарей. Мисс Львова подумала: «Вот бы сейчас прогуляться по этому саду...» — и у нее возникла мысль сбежать из этого волшебного, но шумного зала.

Анна посмотрела на руки: левая крепко сжимала веер, а правая невольно легла на тонкий атлас платья — так она спасалась от лишнего волнения. Дыхание чуть участилось, но она заставила себя улыбнуться.

Внезапно к ней приблизился мужчина, и она мгновенно оторвалась от размышлений, возвращаясь к шуму бала — и к маркизу Василию Федоровичу.

Он был высоким и статным джентльменом, чья фигура излучала благородство и внешнее обаяние. Его высокие скулы подчеркивали резкие и четкие черты лица, присущие представителю знатного рода. Глубокие зеленые глаза, похожие на темные изумруды, смотрели внимательно и спокойно. В этом внимании было что-то располагающее, почти заботливое, но вместе с тем слишком выверенное, словно Василий точно знал, какое впечатление должен произвести. Русые, чуть волнистые волосы были аккуратно уложены. Он был одет в строгий черный костюм, идеально сидящий по фигуре.

Василий Воронов был человеком сдержанным, и в каждом его движении чувствовались уверенность и чуть скрытая усталость. Его присутствие внушало уважение. Он казался воплощением достоинства и надежности.

Графиня Екатерина, заметив его приближение, улыбнулась, поприветствовала и представила дочь:

— Маркиз Василий Федорович Воронов, я очень рада видеть вас. Позвольте мне представить мою дочь, Анну Николаевну Львову, — произнесла она, мягко указав рукой на девушку.

Анна склонилась в легком реверансе. Он слегка наклонился к ней и улыбнулся так мягко, что эту улыбку легко было принять за теплоту:

— Рад видеть вас на балу, мисс Львова. Надеюсь, вечер вам нравится?

— Да, вечер удивительный, — ответила Анна, улыбаясь. — Это мое первое подобное мероприятие, и я немного растеряна, но все происходящее меня вдохновляет.

Он внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Не стоит беспокоиться, Анна Николаевна. В любом случае я буду рядом. Если вам потребуется помощь или совет, я к вашим услугам, — сказал Василий, держась деликатно и не навязываясь.

Анна поклонилась и сказала:

— Благодарю вас, маркиз.

— Мисс Львова, не окажете ли мне честь пригласить вас на танец? — Его голос прозвучал низко и ровно, с той безупречной мягкостью, какую легко принять за искреннее участие. Протянутая рука была полна решимости — жест учтивый, но не допускающий сомнения в ответе.

Анна чуть замялась, глаза ее метнулись к матери, которая едва заметно кивнула — жест поддержки, удивительно уместный.

— Конечно, милорд, — ответила Анна и сдержанно улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка выглядела естественной.

Внутри она ощущала тяжесть: этот танец был для нее не развлечением и уж точно не велением сердца. Он был долгом перед семьей — обязанностью сохранить честь и благополучие близких. Она понимала: от этого вечера зависит будущее ее рода. Поэтому она с грацией приняла его руку легким прикосновением, вложив свою ладонь в его.

Они пошли к центру зала — шаг за шагом, пока все вокруг словно замедлилось. Музыка поднималась над залом, и пространство вокруг наполнялось замирающим волнением. Их первым танцем был полонез — величественный и торжественный, как марш королевских гвардейцев.

Василий коснулся ее руки осторожно, почти бережно. Его забота казалась безупречной — слишком безупречной, чтобы Анна могла понять, рождается ли она из настоящего чувства или из безупречного знания светских правил. Его взгляд внимательно следил за каждым ее движением — спокойно, почти неотрывно. Для окружающих это выглядело как восхищение, Анне же казалось, что ей не столько любят, сколько изучают. Она полностью погрузилась в чарующую музыку: ее движения были плавными и изящными, как лепестки яблони, колышущиеся на ветру весенним утром.

Во время танца Василий говорил немного, но его вопросы были точны:

— Вам нравится здесь? Какие впечатления от бала, если не считать волнения?

— Все слишком красиво, — прошептала Анна, — даже немного страшно потеряться среди такого великолепия.

— Вы явно не потерялись, — ответил он, чуть улыбаясь.

— Извините, иногда мне проще молчать, чем искать лишние слова, — с откровенной простотой выдохнула Анна.

— И очень правильно, — улыбнулся он. — Большинство здесь только притворяются открытыми, а вы — настоящая.

Слова прозвучали тонко и точно — именно так, как нужно было сказать девушке, привыкшей больше слушать, чем говорить.

Он был внимателен, но при этом держал дистанцию.

— Я заметил, — произнес Василий с улыбкой, — что вы уже познакомились с моей сестрой и ее подругами. Как вам их компания?

— Весьма приятна, — ответила Анна с искренней улыбкой.

— А что вы скажете о моей компании? — спросил маркиз с легкой иронией.

Улыбка его оставалась доброжелательной, но взгляд был слишком внимателен, словно ответ Анны значил больше, чем обычная светская любезность.

Она смутилась, лицо ее залилось легким румянцем, и она потеряла дар речи, не зная, что ответить. Этот вопрос поставил ее в затруднительное положение: ответ требовал большей откровенности, чем она была готова позволить себе при первой встрече.

— Надеюсь, — произнес он мягко, почти не меняя улыбки, — ваше молчание означает, что со мной вам приятно.

Анна неловко кивнула в знак согласия.

— Кстати, раз вы сами заговорили о мисс Вороновой и ее подругах, — отметила Анна с сдержанной улыбкой, — я слышала, что вы считаете общество Ольги Петровны весьма приятным.

— Честно говоря, многие полагают, что мисс Зотова моя сестра, — сказал он с легкой иронией, стараясь перевести разговор в шутивное русло.

Анна чуть заметно вздохнула и тихо произнесла:

— Признательна за ваш ответ. Теперь я понимаю, о чем говорила мисс Разумовская.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался маркиз Воронов с любопытством.

— Ничего, — быстро ответила она, — просто мысли вслух.

Анна старалась сосредоточиться на музыке: в ее ритме было легче держаться спокойно, чем под пристальным вниманием партнера. Полонез пролетел незаметно. Когда последний аккорд стих и пары вихрем прошли по залу, Анна, чуть запыхавшись после танца, отвела взгляд в сторону. Она почувствовала: Василий еще медлит, его рука задержалась на ее ладони чуть дольше, чем требовала учтивость.

— Вы необыкновенно хорошо танцуете, — тихо произнес он, наклонившись, чтобы эти слова могли принадлежать только ей.

Анна улыбнулась в ответ, не поднимая глаз. Она раскрыла веер, чтобы слегка охладить разгоряченные щеки, и почувствовала, как в ней смешиваются смущение, усталость и тревожное волнение первого бала.

— Ваши собеседницы сегодня — настоящая поддержка, — заметил Василий, разглядывая ее. — Елена всегда окружает себя людьми неординарными. А вы... вы умеете слушать, и это редкий дар.

Анна едва заметно прикусила губу, не решаясь отвечать всерьез на комплименты. Вместо этого она сказала:

— Мне действительно приятно быть среди тех, кто не требует сразу раскрывать все карты. С ними легко дышать...

Василий улыбнулся в ответ.

— Мисс Львова, — произнес он, чуть склонив голову, — не окажете ли мне честь еще одним танцем?

Его голос был ровен и любезен. Он не давил на нее открыто, но сама его уверенность заставляла ответ казаться почти предрешенным.

Она улыбнулась так, как улыбались на балах: достаточно тепло, чтобы не показаться холодной, и достаточно сдержанно, чтобы не дать повода для лишних разговоров.

— Как же ваша сестра? — чуть робко, но с искренним интересом спросила Анна.

— Елена? Она всегда танцует с Владимиром, — ответил Василий, — а я обычно с Ольгой... — Он сделал небольшую паузу, и на его лице заиграла теплая улыбка. — Кажется, я понял, к чему вы клоните. Не стоит вам волноваться, с мисс Зотовой меня связывают исключительно дружеские отношения, — добавил он.

— Я не переживаю, — сказала Анна, — просто если вдруг вы уже кому-то другому обещали этот танец, то поступаете непорядочно.

— Не обещал, — признался Василий, — я рассчитывал провести весь сегодняшний вечер в вашей компании.

Анна позволила себе короткую вежливую улыбку и произнесла:

— В таком случае я с благодарностью приму ваше приглашение.

Василий улыбнулся шире, но в этой улыбке было больше удовлетворения, чем радости.

— Приятно это слышать, — произнес он мягко.

Они вновь вышли в центр зала. Василий держался безупречно: вел уверенно, говорил мало, смотрел внимательно. Со стороны это могло показаться восхищением, но Анна все чаще ловила себя на желании смотреть не на него, а на танцующие пары, на свечи, на отражения в зеркалах — куда угодно, лишь бы не встречаться с его пристальным взглядом. Она была погружена в сам танец, в его ритм и очарование; окружающая обстановка притягивала ее внимание больше, чем партнер.

Внутри Анна была напряжена. Музыка, свечи, чужие взгляды и рука Василия смешивались в одно тревожное ощущение. Но внешне она держалась спокойно и достойно, будто самообладание было единственным, что по-настоящему принадлежало ей в этот вечер.

Пока они кружились в танце, Анна внимательно рассматривала окружающих. Она заметила Ольгу, которая танцевала со Станиславом; их наряды гармонично сочетались: темно-коричневый и медовый оттенки создавали контраст. Анастасия же легко двигалась по залу вместе с Борисом Зотовым; в его взгляде отражалась явная завороченность ее красотой. Однако взгляд Анны остановился на другой паре в конце зала: юная девушка и молодой человек — это были Вороновы. Она заметила Елену, которая с явной досадой пыталась уговорить Владимира пригласить ее на танец. Тот отказывался, хотя сестра, кажется, очень этого хотела. Было очевидно, что они брат и сестра: их сходство было поразительным, словно две капли воды.

Владимир, высокий блондин с ясными голубыми глазами, был одет в черный костюм, идеально сочетавшийся с платьем Елены. Их взаимное напряжение и искренние эмоции создавали трогательный контраст с окружающей торжественной атмосферой бала.

Владимир быстро заметил напряжение и перевел разговор в более приятную плоскость, зная, как сестра не выносит неловких пауз и всегда заполняет их словами:

— Кто эта прекрасная юная девушка, которая завладела вниманием нашего дорогого брата и с которой он танцует уже второй танец? — спросил он, обращаясь к Елене.

— Не твоего ума дело, братец, — ответила Елена с легкой обидой, — я почти уверена, что она будущая невеста твоего брата.

— Так это та самая мисс Львова, — произнес Владимир, не отводя взгляда от танцующей пары, — которую отец намерен видеть женой Василия.

— Именно так, — подтвердила сестра, — поэтому тебе не стоит переживать за выбор нашего брата.

Владимир чуть усмехнулся и добавил:

— Позволю себе заметить: как брат я должен лично оценить, подходит ли она для нашей семьи.

После этого он решительно направился к Анне Николаевне. В это время танцующие пары как раз разошлись, а маркиз Василий отправился к столику с напитками.

— Братец, стой! — чуть прикрикнула Елена вслед брату, но было уже поздно.

Владимир заметил, что сестра пытается его остановить, но не стал слушать и уверенно шагнул вперед. Подойдя к мисс Львовой, он решил воспользоваться случаем, чтобы узнать о ней больше.

— Не отниму у вас много времени, — начал он с милой улыбкой. — Очень приятно познакомиться с вами воочию, мисс Анна Николаевна. Я уже многое слышал о вас.

Анна взглянула на него мельком и спросила:

— Полагаю, вы брат Елены и Василия?

— Именно так. Позвольте представиться: барон Владимир Федорович, — произнес он с гордостью. — Вижу, вы уже успели познакомиться с моим братом.

— Да, ваш брат превосходный партнер, — призналась она.

— Еще бы, — усмехнулся Владимир. — Вы еще со мной не танцевали, тогда бы поняли, у кого он научился, — произнес он с игривой улыбкой.

— Но вы ведь младший брат? — Анна взглянула на него вопросительно.

— Это не мешает мне превосходить его хотя бы в чем-то, — его глаза, устремленные на нее, засверкали.

— Могу ли я поинтересоваться: что именно вы слышали обо мне? — спросила Анна.

Владимир улыбнулся хитро и ответил:

— Мисс, позвольте пригласить вас на танец — я обещаю вам рассказать все после этого.

В этот момент вернулся Василий с напитками. Он увидел Владимира рядом с Анной, и его лицо мгновенно омрачилось.

Улыбка не исчезла, но стала холодной и неподвижной. Плечи его напряглись, взгляд потемнел, а в голосе появилась та ледяная учтивость, за которой уже не было ни капли любезности.

— Владимир, что ты здесь делаешь? — произнес Василий ровно, не сводя с брата взгляда.

— Мы как раз беседовали о тебе, а затем я осмелился пригласить Анну Николаевну на танец.

Анна успела лишь приоткрыть рот, как инициативу перехватил Василий.

— У мисс Львовой танцевальная карта уже заполнена, — ответил Василий за нее.

Владимир, стараясь выглядеть невозмутимо, сказал:

— Думаю, ты не будешь против, если я украду ее всего лишь на один танец.

— Боюсь, я вынужден тебя прервать, брат, — произнес Василий все тем же ровным тоном. — Скоро начнется вальс, а мисс Львова уже обещала его мне. Тебе же лучше вернуться к Елене. Ты знаешь, как плохо она переносит скуку.

— Разумеется, — Владимир склонил голову. — Я лишь хотел пожелать вам удачи. Иногда такие вечера решают больше, чем кажется.

В этот момент взгляд Владимира задержался на сестре: Елена, не дождавшись согласия брата, отправилась танцевать с другим гостем, но продолжала поглядывать в сторону братьев задумчиво, с тенями заботы и усталости.

Владимир чуть наклонился к Анне, в голосе звучал извиняющийся тон:

— В нашей семье многое строится на обещаниях, — тихо произнес он. — И на том, что не каждое из них легко исполнить.

Он сделал паузу.

— Было приятно с вами познакомиться, Анна Николаевна.

Он аккуратно развернулся и направился в противоположный угол зала, оставляя за собой ощущение легкого недоумения в воздухе.

На мгновение воцарилась неловкая пауза. Анна посмотрела в зал: там под музыкальный аккомпанемент Ольга с братом забылись в танце, Анастасия нехотя уступила партнера, а в противоположном углу вновь мелькнула фигура Владимира, к которому подходила Елена.

Анна испытывала тихую грусть. Вся эта ситуация казалась ей слишком странной и неловой. Ее тревожило, что все вокруг оценивают и обсуждают ее. Она не привыкла к такому вниманию, и это вызывало у нее смятение.

Она боролась с собой: с одной стороны — с желанием оставаться незаметной, с другой — со страхом быть замеченной и смущением от постоянных взглядов окружающих. Мисс Львова пребывала словно на тонкой грани между спокойствием и волнением, стараясь сохранить достоинство и самообладание, несмотря на непривычное для нее чрезмерное внимание.

Также ей было непонятно, зачем Владимир пригласил ее на танец. Если он хотел что-то узнать о ней, почему он не подошел просто спросить? Она не понимала, чем вызвала такой интерес, ведь была молчаливой и скромной девушкой, обычно остававшейся в тени своей яркой сестры. Возможно, отсутствие Елизаветы сегодня и вызвало к ней особую заинтересованность.

Казалось, Анна уже смирилась со своей судьбой и мысленно была готова принять предложение маркиза, если бы оно прозвучало. Но поведение его брата озадачивало ее все сильнее: если поначалу его пристальный взгляд и забота казались ей обычным беспокойством за выбор Василия, то теперь этот интерес выглядел совсем иначе — настойчиво, немного странно и даже противоречиво. Почему Владимир сам вмешивается в их отношения, словно пытаясь что-то предотвратить или изменить? Неужели Владимир сомневался в ней? Или, напротив, сомневался в самом Василии?

Анна не знала ответа. Она понимала лишь одно: ей нельзя дать свету повод для насмешек или подозрений. С каждым днем положение ее семьи становилось все сложнее, и скоро могло стать ясно, что кроме титула у Львовых почти ничего не осталось. Если этот союз действительно мог спасти их, она должна была вести себя безупречно — даже если сама мысль об этом давила тяжелее, чем тугой корсет.

От этих мыслей ее неожиданно отвлек Василий. Он подошел ближе, остановился рядом — но не нависал, держал расстояние деликатно.

— Возможно, этот бал вам кажется испытанием, — негромко произнес он. — Но иногда достаточно позволить другим видеть лишь то, что им следует видеть.

Он говорил тихо, даже мягче, чем раньше. На мгновение в его лице мелькнула чуть заметная усталость, которую он, впрочем, тут же спрятал под сдержанной улыбкой.

Музыка зазвучала, и он мягко протянул ей руку. Они отправились на вальс, закружились в танце, и, несмотря на суету бала, каждый их жест, взгляд и прикосновение обретали новый смысл: не потому, что между ними рождалось чувство, а потому, что за ними наблюдали.

Когда Василий вновь взял Анну за руку и повел ее в центр зала, Владимир невольно проследил за ними взглядом.

Елена стояла рядом и что-то быстро говорила ему вполголоса — судя по тону, упрекала за очередную попытку вмешаться не в свое дело. В ее голосе звучало раздражение, но за ним угадывалась забота: она слишком хорошо знала обоих братьев и, вероятно, уже почувствовала, как тонко натянулась между ними невидимая нить.

— Владимир, — позвала она наконец. — Ты меня слышишь?

Он слышал сестру, но не сразу нашел в себе силы ответить. Его внимание привлекла не красота танца и даже не сама мисс Львова, а то, как она отводила глаза всякий раз, когда Василий смотрел на нее слишком пристально.

Владимир моргнул, словно только теперь вернулся к голосу Елены.

— Слышу. Прости.

Елена проследила за его взглядом. На ее лице мелькнуло недовольство.

— Не делай глупостей, — сказала она тише.

Владимир не ответил. Его взгляд снова вернулся к Анне. Для остальных она и Василий, вероятно, выглядели прекрасной парой: уверенный маркиз и юная мисс, послушно следующая

за каждым его движением. Но Владимир замечал другое — напряжение в ее плечах, взгляд, который то и дело уходил в сторону, и собранность человека, которому приходится быть сильнее, чем он хочет.

Василий вел безупречно, улыбался мягко, держался как образцовый кавалер. И все же чем совершеннее выглядела эта картина, тем меньше она нравилась Владимиру. В молчании Анны он слышал больше, чем в большинстве разговоров этого вечера.

— Анна Николаевна, — произнес Василий мягко, но в этой мягкости слышалась настойчивость, — я не хотел бы быть навязчивым. И все же позвольте спросить: о чем вы беседовали с моим братом?

Анна лаконично и размеренно ответила:

— Мы лишь познакомились и обменялись парой слов.

Василий посмотрел на нее внимательнее. В его лице появилось выражение серьезности — тщательно сдержанной.

— Хочу быть с вами откровенным, Анна Николаевна... — он сделал короткую паузу. — Есть нечто важное, что я хотел сказать вам сегодня.

Его взгляд стал более сосредоточенным. Василий уже открыл ро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.